

УДК: 811.111'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРОДИЙНОГО И ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТОВ

Н.Н. Савченко (Чуприна), канд. филол. наук (Харьков)

В статье выявлены основные взаимодействия между пародийным и прецедентным текстами в едином текстовом пространстве. Формы проявления интертекстуальности (интертексты) в пародиях могут быть в виде цитат, аллюзий, реминисценций, которые объединяются в данном типе текста и создают своеобразный подтекст. Выявляется роль апеллятивной функции пародийного текста как игрового, что позволяет донести информацию до реципиента – антропоцентра, для которого создаются прецедентный текст и пародийный текст.

Ключевые слова: пародийный текст, прецедентный текст, интертекстуальность, интертекст, подтекст, реципиент.

Н.М.Савченко (Чуприна). Интертекстуальна взаємодія пародійного та прецедентного текстів. У статті виявлені основні взаємодії між пародійним та прецедентним текстами в єдиному текстовому просторі. Форми прояву інтертекстуальності (інтертексти) у пародіях можуть бути у вигляді цитат, аллюзій, ремінісценцій, які об'єднуються у даному типі тексту та створюють особливий підтекст. Виявляється роль апелятивної функції пародійного тексту, що дозволяє донести інформацію до реципієнта – антропоцентру, для якого створюються прецедентний текст і пародійний текст.

Ключові слова: пародійний текст, прецедентний текст, інтертекстуальність, інтертекст, підтекст, реципієнт.

N.N. Savchenko (Chuprina). Intertextual relations between the text of parody and the precedental text. The article specifies the basic contacts between the text of parody and the precedental text in the single text space. The forms of intertextuality (intertexts) are presented as allusions, quotations, reminiscences that are combined and create the original implications in the text of parody. The role of appealing function of the text of parody has been determined. The latter is considered as a play text. Due to that the recipient (anthropocentre) for whom the text of parody and the precedental text are created can adequately grasp the information.

Key words: the text of parody, the precedental text, intertextuality, intertext, implication, recipient.

Пародия – это своеобразное отражение отражения прецедентного текста, образ образа прецедентного текста или, по определению Ю.Н. Караулова, отражение образов прецедентных текстов [3, с. 108–117].

Актуальность данной работы состоит в том, что как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике не существует четкого теоретического анализа взаимосвязей прецедентного и пародийного текстов.

Ц е л ь данного исследования состоит в анализе межтекстовых связей между прецедентным текстом и текстом пародии.

О б ъ е к т о м исследования являются прецедентный и пародийный тексты.

П р е д м е т о м изучения выступают интертекстуальные связи прецедентного текста и текста пародии.

Н о в и з н а предпринимаемого исследования состоит в том, что в нем выявляется специфика интертекстуальных взаимодействий между текстом пародии и прецедентным текстом.

Текст пародии отражает картину мира с позиций автора текста пародии, в контексте окружающей его действительности. Реципиент обязательно декодирует особенности восприятия пародистом и прецедентного текста, и картины мира в целом. В пародии объектами пародирования являются как сама действительность, так и художественное отражение этой действительности. Отсюда – двойной угол зрения пародии и двойной смысловой оттенок всех деталей пародии, что обуславливает загадочность данного текста пародии и создаёт тонкое переплетение голосов автора пародии, автора прецедентного текста, персонажей пародии и прецедентного текста.

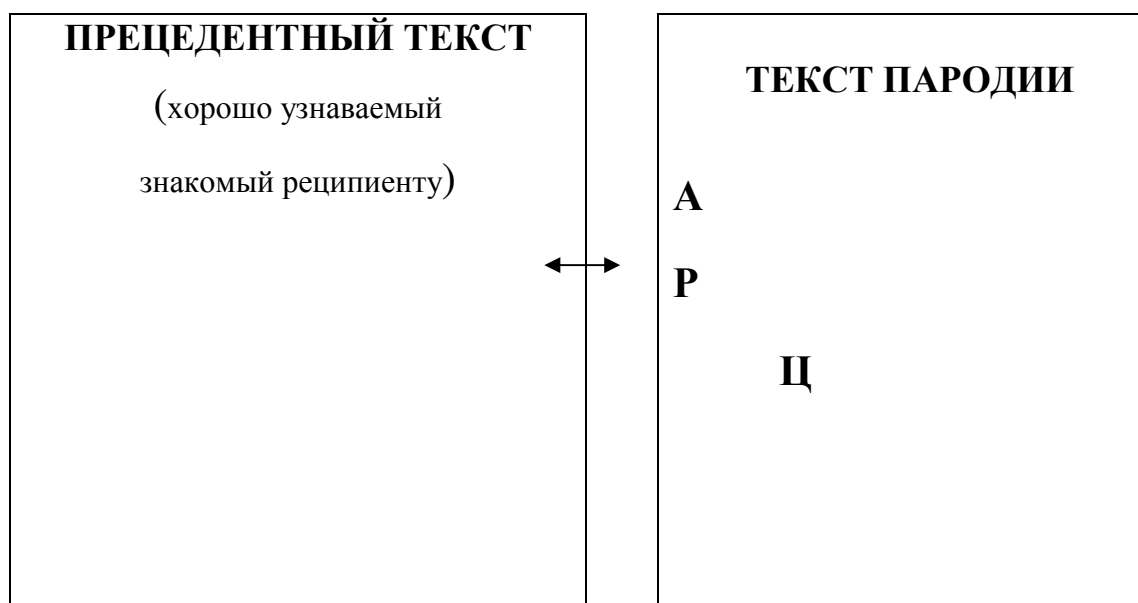
Второй специфической чертой отражения картины мира в пародии, тесно связанной с первой, является её карнавальное, игровое травестирующее, лицедейское начало [1, с. 96]. Пародия – это смеховое отражение прямого слова [там же, с. 78]. Пародия, отражая, переворачивает пародируемое произведение и сам мир, действительность, создавая, таким образом, свой мир, вернее антимир. По законам жанра, по правилам игры пародии автор не скрывает, а подчёркивает нереальность, нелогичность этого антимира [4, с. 354]. Автор пародии изображает прецедентный текст с определенной модальностью – эксплицитно или имплицитно выраженной оценкой: отрицательной, положительной, иронией и т. д. Причём эти разные оттенки критики, как правило, переплетены. Критика в пародии подается в веселой форме, имеет комический, чаще – юмористический характер в сочетании с уважением к автору прецедентного текста.

Представляется целесообразным рассматривать пародию в свете двух концепций М.М. Бахтина – концепции диалогизма и карнавализации, так как первое и второе – диалог и комизм в пародии тесно и неразрывно связаны в том смысле, что ее автор отражает мир прецедентного текста и окружающей действительности в комичном ракурсе. Диалог “пародия – прецедентный текст” включает уважительную критику, иронию, подшучивание, сатирическое высмеивание. Подражание, имитация, смех – игра пародии – диктуют главное

условие ее существования – узнавание прецедентного текста, поскольку “радость от подражания – это радость узнавания” того, кого изображают [2, с. 235].

Отсюда следует, что первым и необходимым шагом интерпретации пародии является декодирование второго члена связи – прецедентного текста, поскольку вся интерпретация строится в зависимости от того, кто или что пародируется, с кем ведется разговор “пародия – прецедентный текст”. Другими словами, пародия воспринимается только на фоне, в тесной связи, параллельно с прецедентным текстом.

Ниже приводится рисунок, который иллюстрирует интертекстуальное взаимодействие пародийного текста с прецедентным текстом:

“А” - аллюзия; “Ц” - цитата; “Р” - реминисценция;

Рис. 1.2. Интертекстуальное взаимодействие прецедентного и пародийного текстов

Интертекстуальность присуща в той или иной мере любому тексту, в пародийном тексте является ведущим и определяющим свойством данного типа текста. Формы проявления интертекстуальности (т. е. интертексты) в пародиях могут быть самыми различными. Это – цитаты, аллюзии, реминисценции, которые объединяются в данном тексте и создают своеобразный подтекст. Например, роман П.Дж. Вудхауза “Jeeves in the Offing” автор обыгрывает цитаты, аллюзии и реминисценции из монолога Гамлета “To be or not to be”,

которыми изобилует речь слуги Дживса. Таким образом, комический эффект достигается контрастом между контекстом и интертекстами, которые образуют своеобразный подтекст.

Понятие “подтекст” может иметь два толкования: узкое и широкое. Узко подтекст понимается как информация, добавочная к тексту, а иногда противоречащая ей (известно сравнение подтекста с айсбергом).

Более широкое толкование подтекста рассматривает его как основной смысл творчества: подтекст всегда “течет под словами текста”, подчеркивая, усиливая, уточняя их эмоционально [6, с. 26–27].

Понятие “подтекста” становится актуальным для исследователя, когда он обращает внимание на то, что значительная часть единиц в тексте может быть не мотивирована самим текстом, а получать смысл можно только и исключительно при сопоставлении этого текста с другими, т.е. собственно – при нахождении подтекста.

Любые варианты интертекста оказывают в той или иной мере воздействие на формирование подтекста – дополнительного семантического образования, возникающего в пределах текстового материала и в определенной степени скрытого в нем, всегда неявного, требующего домысливания.

Пародийный текст имеет свои особые повествовательные особенности. За счет введения третьего текста одномерность дидактического смысла снимается и производится его коррекция в сторону “открытия” смысла.

Третий текст способствует преодолению однозначности содержания, за счет осуществляемого им напластования форм. Троичные (многочленные) внутритекстовые конструкции одновременно и сужают, и расширяют смысл, задают разные перспективы чтения. Интертекстуальная структура такой конструкции основана именно на введении закодированных фрагментов в ткань произведения.

Принцип третьего текста, может быть понят и гораздо шире и даже распространен на все явления, связанные с интертекстуальностью. М. Риффатерр предложил называть этот третий текст “интерпретантой” [7, с. 498].

Интертекстуальность не функционирует и, следовательно, текст не получает текстуальности, если чтение от Т к Т' (в нашем случае, от текста пародий к прецедентному тексту) не проходит через интерпретанту, если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты.

Интерпретанта важна по нескольким причинам. Во-первых, она позволяет преодолеть представление о связи текста и интертекста как связи между источником и последующим текстом, она снимает представление о процессах заимствования, влияния. Она позволяет

убедительно представить работу по производству смыслов как процесс сдвигов и трансформаций внутри текста. Когда речь идет о пародийных текстах, то текстом-интерпретантой выступают комментарии, ссылки, пояснения. Данная точка зрения представлена на рис. 1.3.:

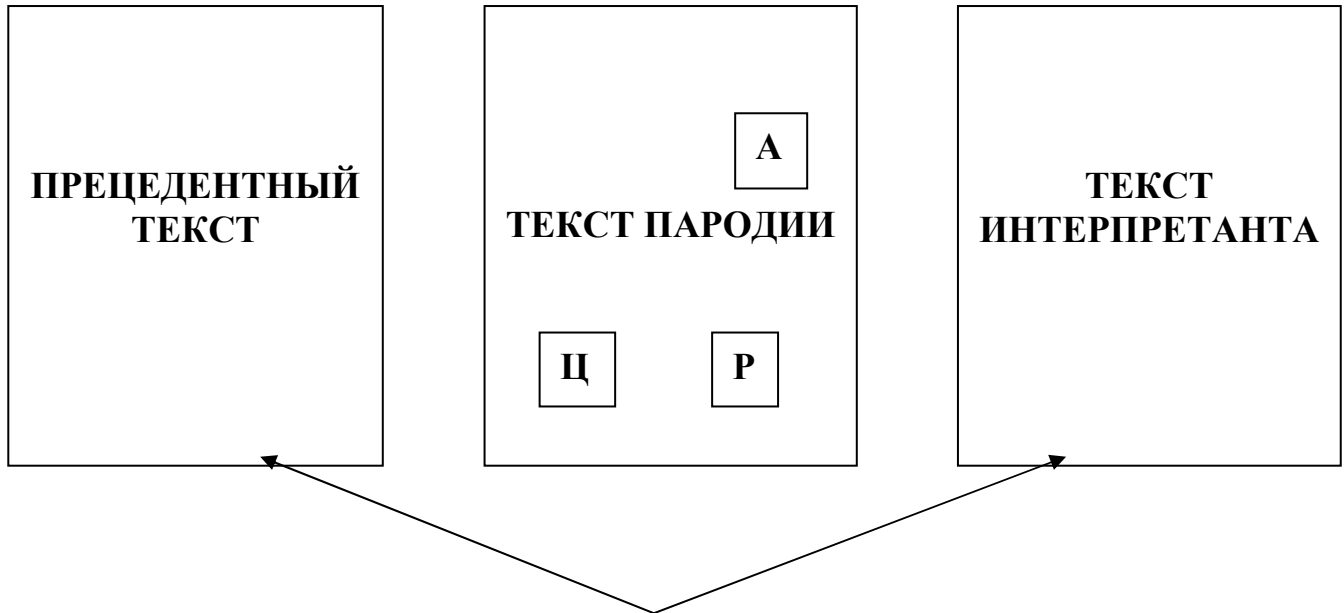

Рис. 1.3. Троичное межтекстовое взаимодействие

Существуют также тексты, которые не являются абсолютными пародиями, но содержат в себе пародийные вкрапления, где находятся интертексты, благодаря которым создается пародийный контекст (напр., рассказы Дж. Тербера, “The Dog that Bit People”, Л. Хьюза “Temptation”, изобилующие реминисценциями, аллюзиями и цитатами из “Гамлета” и Библии.

По мнению В.А. Самохиной, интертексты позволяют ввести в текст какую-то мысль или конкретную форму представления мысли и, таким образом, такой ввод интертекстуального элемента может усиливать комизм и без того комической ситуации [5, с. 152].

Данный прием является довольно распространенным при создании пародий (см. рис. 1.4):

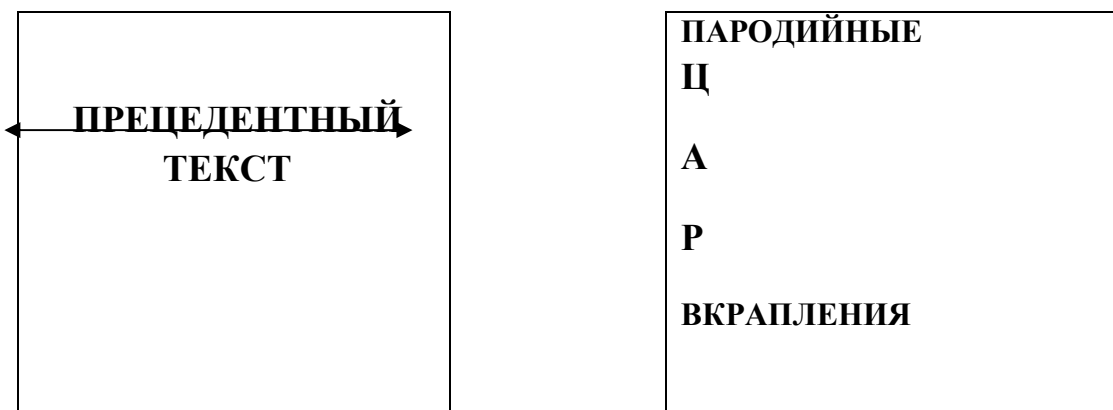

Рис. 1.4. Взаимодействие пародийных интертекстов с precedentным текстом

Нами выделены пародии (абсолютные либо тексты с пародийными вкраплениями), precedentным текстом для которых являются различные precedentные феномены (напр., рассказ Р. Ларднера “Some Like them Cold”, где используется пародия на детский стишок “Some like them hot, some like them cold...” (рис. 1.5.(а), 1.5. (б)):

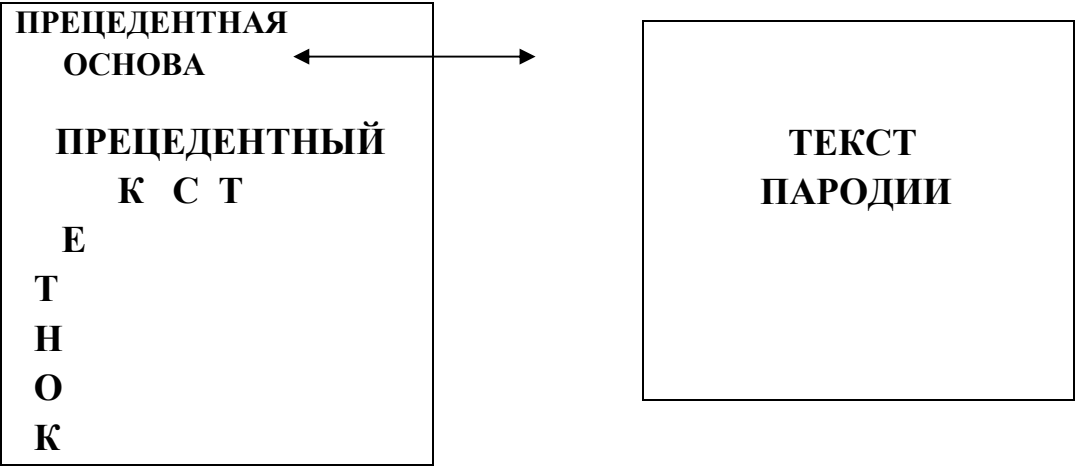

Рис. 1.5 (а) Взаимодействие абсолютного пародийного текста с precedentной основой

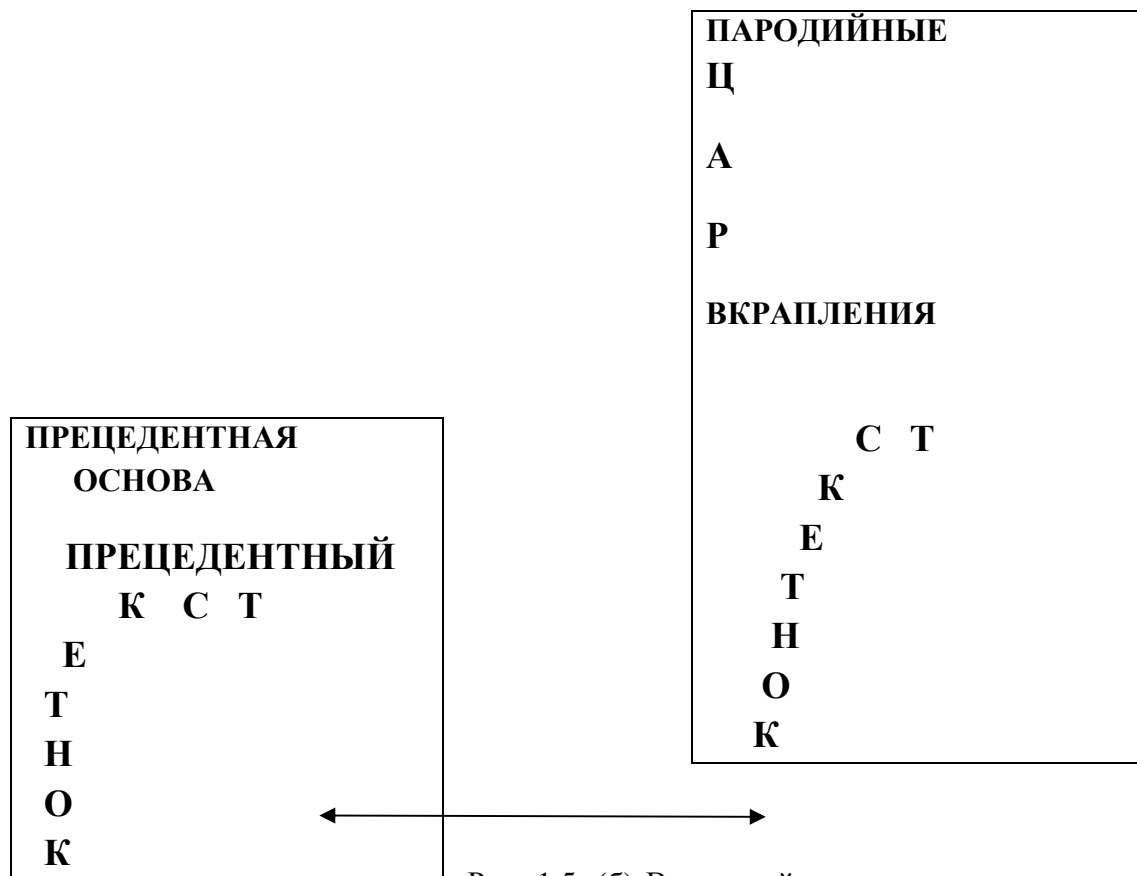
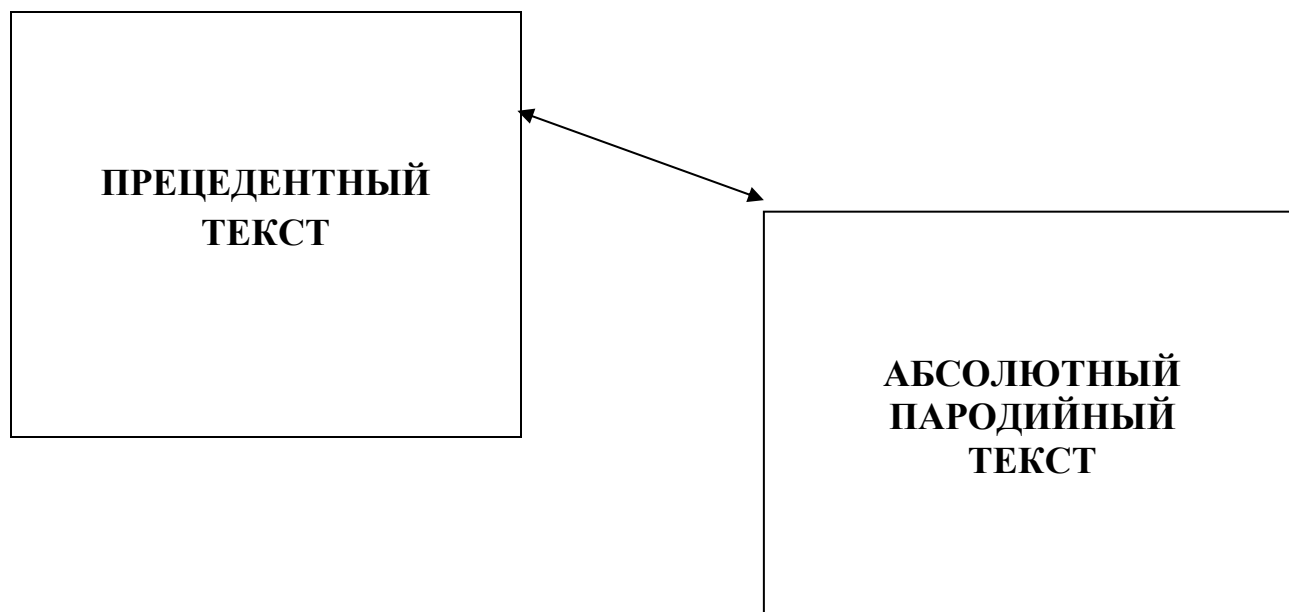

Рис. 1.5. (б) Взаимодействие текста, содержащего пародийные вкрапления, с прецедентной основой

Кроме того, выявлены пародии (абсолютные либо тексты с пародийными вкраплениями), которые взаимодействуют полностью или частично не с одним прецедентным текстом, а с несколькими (напр., в пародийном романе П.Дж. Вудхауза “The Code of the Woosters” автор обыгрывает цитату из довольно известного англоязычному читателю стихотворения американского поэта Г. Лонгфелло “The Arrow and the Song”, а также тему Шерлока Холмса (см. рис. 1.6.(а), 1.6. (б)):

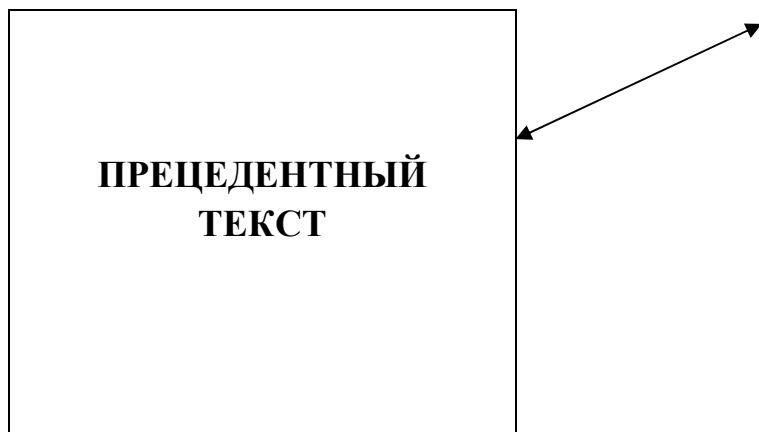
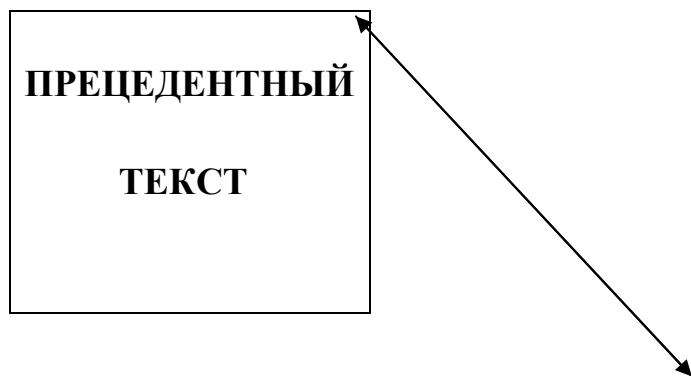

Рис. 1.6. (а) Взаимодействие абсолютного пародийного текста с несколькими прецедентными текстами

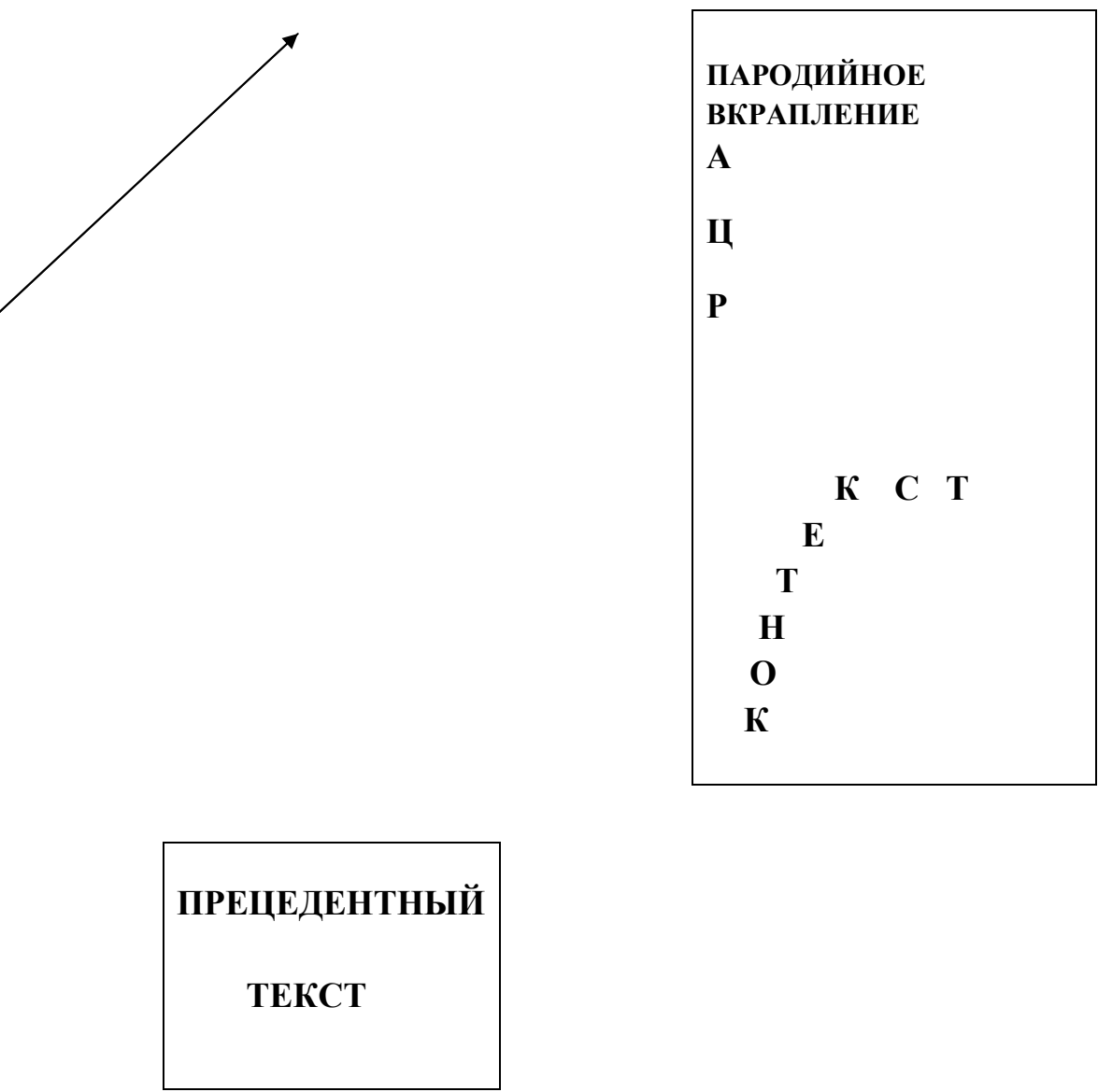

Рис. 1.6. (б) Взаимодействие текста, содержащего пародийные вкрапления, с несколькими прецедентными текстами

Более того, встречаются тексты, содержащие пародийные вкрапления, которые взаимодействуют не с целым прецедентным текстом, а с его частью. Например., в рассказе Дж.Гербера “The Dog that Bit People” описывается семья, которая настолько привязана к своим питомцам (а их в общей сложности у них было свыше 50), что относится к ним с большей любовью и заботой, чем к людям, которых эти твари часто кусают. Когда один из питомцев по кличке Магс отошел в мир иной, на его надгробии была выгравирована следующая надпись: “*Flights of angels sing thee to thy rest*”, которая является словами Горацио над телом Гамлета

(акт 5, сцена 2). Так, высокий стиль шекспировского творения обыгрывается и снижается новым контекстом. При этом создается комическая модальность (рис. 1.7.):

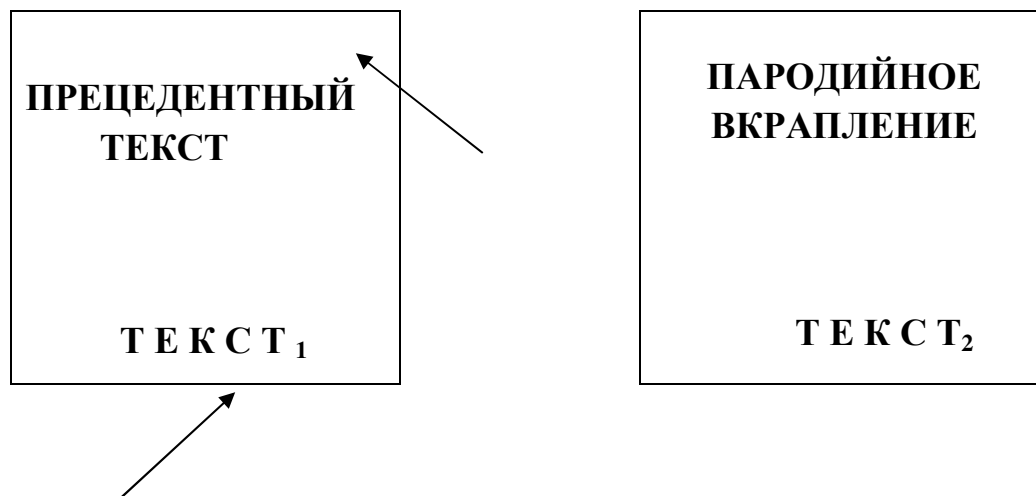

Рис. 1.7. Взаимодействие пародийных вкраплений с частью precedentного текста

Существует множество сигналов, маркеров комического эффекта в тексте пародии (полной или частичной), раскодирование которых происходит на основе различных факторов, как на уровне текста, так и на уровне реципиента.

Реципиент должен быть в состоянии адекватно раскодировать эти сигналы.

Без знания и понимания precedentного текста, а также правильной оценки отношения текста пародии и precedentного текста, восприятие пародии станет невозможным, и будет иметь место не интерпретация пародии как пародии, а как оригинального текста, другими словами, создание пародии становится возможным только при наличии precedentного текста.

Анализ текста, который принимает во внимание только факторы автора и предмета, является слишком узким, так как таким образом остается без внимания апеллятивная функция текста, его направленность на реципиента (рис. 1.8.):

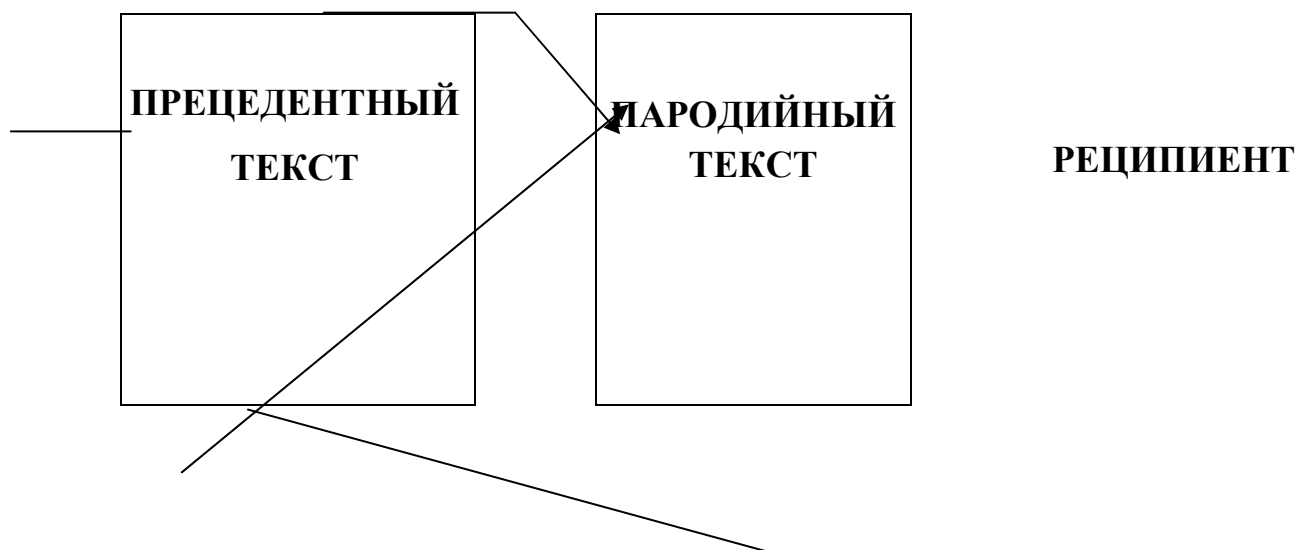

Рис. 1.8. Интертекстуальная связь precedentного и пародийного текстов и реципиента

Именно эта связь текста и реципиента является решающим фактором при создании пародийной ситуации. Здесь имеется в виду норма, на которую ссылается пародист при пародировании предмета повествования, – как правило, оно является сознательным – и норма, которая должна быть узнаваемой реципиентом, в том случае, когда определенный текст он должен воспринять как пародию. Все, что в ней пародируется, обыгрывается или даже просто упоминается, должно входить в фоновые знания реципиента и быть для него актуальным. Бессмысленно обыгрывать, пародировать и высмеивать никому не известный текст или использовать его в качестве средства осмеяния и пародирования.

Следовательно, пародист должен создать пародию, превосходство которой над оригиналом было бы недвусмысленным и однозначным.

Кроме того, одним из важных факторов при создании пародии является интерес, так как пародист исходит из прототипа и моделирует в пародии именно то, что ему кажется интересным и существенным в precedentном тексте. Этому автору помогает добиться конкретный язык во всей совокупности его материальных единиц – слов и выражений – с их языковыми свойствами – фонетическими, лексическими, грамматическими и т.д.

Изучение межтекстовых связей является перспективным направлением в современной лингвистике, так как дает возможность осознать место конкретного текста в едином текстовом

пространстве, проследить текстовые взаимосвязи и взаимовлияния, учет которых позволяет более глубоко анализировать речетворческие произведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. Исследования разных лет / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 6–72.
2. Гадамер Г.Г. Истина і метод: у 2 т. / Ганс Георг Гадамер; [пер. з нім. О.Мокровольського]. – К.: Юніверс, 2000. – 464 с. (Основи філософської герменевтики; т. 1).
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Дмитрий Сергеевич Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
5. Самохина В.А. Современный англоязычный юмор малых форм в функционально-коммуникативном аспекте / В.А. Самохина // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна, 2007. – № 772. – С. 82–85.
6. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка / Майя Ивановна Черемисина. – М.: Комкнига, 2006. – 270 с.
7. Riffaterre M. La syllepse intertextuelle / M. Riffaterre // Poétique. – 1979. – № 40. – P. 496-501.